

*Людмила Ивановна Семчёнок*  
*Полоцкий государственный университет*  
*имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк*

**«ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК» В РОЛИ ГЕРОЯ ПОУЧИТЕЛЬНОГО РАССКАЗА  
В РОМАНЕ И. В. ГЁТЕ «СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА»**

**Аннотация.** *Анализируется проблематика поучительного рассказа о крестьянском парне из романа И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» в контексте теории Ж. Ж. Руссо о «естественном человеке». Приводятся сведения об истории включения рассказа в художественное целое романа, его композиционных особенностях и роли в раскрытии проблемы личностного самовыражения в романе. Обозначены основные полемические положения гётевского рассказа, ставящие под сомнение штюрмеровские представления о «естественном человеке» как высшем человеческом идеале.*

**Ключевые слова:** *пучительный рассказ, естественный человек, самовыражение, «Буря и натиск», индивидуальность.*

**Abstract.** *The article analyses the problems of the didactic story of a peasant boy from Goethe's novel "The Sorrows of Young Werther" in the context of J. J. Rousseau's theory of the "natural man". The work provides information about the history of inclusion of the story in the novel, its compositional features and its role in the disclosure of the problem of personal self-expression in the novel. The story outlines the main polemical provisions of Goethe's story, questioning the Sturm and Drang ideas of the "natural man" as the highest human ideal.*

**Keywords:** *didactic story, natural man, self-expression, Sturm und Drang, individuality.*

В истории немецкой литературы едва ли найдется другое художественное произведение, которое бы оказало столь сильное воздействие на современников, как роман И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» (*Die Leiden des jungen Werthers*, 1774–1787). И сегодня это небольшое по объему произведение продолжает волновать умы и сердца потомков, не утрачивая своей актуальности и в условиях современного постиндустриального общества. Причина столь пристального внимания к роману, написанному более двухсот лет назад, – глубина проблематики. Гётевский Вертер стремится вырваться за рамки «навязанной ему социальной роли и функции» [1, с. 75], утвердиться как личность. В финале романа герой

терпит фиаско и умирает, оставляя открытым вопрос о возможности и целесообразности полной реализации заложенного в человеке индивидуального начала.

Проблема самоидентификации и свободного самовыражения, утверждения индивидом собственного «Я» является центральной категорией художественной рефлексии 70-ых годов XVIII века. И связана она с развитием литературного течения «Бури и натиска», выдвинувшего на первый план принцип субъективизма. Философской базой штюрмеровской эстетики стала концепция «естественного человека» Ж. Ж. Руссо. В своём трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (*Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*, 1754) французский философ не просто изложил теорию «естественного закона», говорящего «голосом самой природы», но и заявил о внесловных (естественных) правах индивида [2]. Разрабатываемая Руссо концепция «естественного состояния» способствовала формированию нового чувства свободы в определении жизненного пути и выстраивании отношений с обществом, позволяла индивиду осознать себя как нечто уникальное, своеобразное, заслуживающее права отклоняться от социальных норм и ожиданий.

Героями произведений штюрмеров, действительно, становились сильные личности, наделённые яркой индивидуальностью и готовые бросить вызов не только обществу, но и самому Богу (Гёц, Ленора, Фауст, Карл Моор и т. д.). Но судьба большинства штюрмеровских героев трагична, почти каждый из них терпит неудачу при попытке полномасштабной реализации собственной индивидуальности. Отказываясь от упрощенного взгляда на природу человеческой личности, демонстрируя противоречивость безграничного торжества индивидуального начала, представители «Бури и натиска» вступали в полемику с собственными представлениями о «естественном человеке» как высшем человеческом идеале. Итогом этой рефлексии стало формирование новой парадигмы представлений о человеке, утверждающейся в западноевропейской культуре конца XVIII – начала XIX века.

В своём романе «Страдания юного Вертера», чтобы изобличить опасности, скрывающиеся за естественным стремлением героя к свободному и ничем неограниченному самовыражению, И. В. Гёте обращается к жанру поучительного рассказа. Основному романному сюжету, скорее «напоминающему новеллу» [3, с. 247], он противопоставляет воспитательный потенциал вставного рассказа о крестьянском парне. Примечательно, что вставной эпизод о несчастной любви деревенского юноши появился в романе не сразу. Первая редакция романа была издана в 1774 году. Письма Вертера, в которых пылкий юноша рассказывает историю о несчастной любви деревенского работника к своей хозяйке, в ней просто отсутствуют<sup>1</sup>. В 1787 году в лейпцигской типографии Г. И. Гёшена (*Georg Joachim*

---

<sup>1</sup> Речь идёт о письмах от 30 мая и 4 сентября.

*Götschen*, 1752–1828) вышло в свет 8-томное собрание сочинений И. В. Гёте. В первом томе этого издания была напечатана уже переработанная версия нашумевших ранее «Страданий юного Вертера». В новую редакцию романа и был добавлен небольшой рассказ о крестьянском парне, который убил из ревности своего более удачливого соперника.

Включение в роман рассказа о страстно влюбленном юноше, не способном совладать с чувствами и желаниями, придавало сюжету более целостный, композиционно законченный вид. История крестьянского парня служила, своего рода, зеркальным отражением внутреннего состояния самого Вертера, оказавшегося на грани отчаяния. Вместе с тем, рассказ о том, как *«любовь и верность – лучшие человеческие чувства – привели к насилию и убийству»* [4, с. 79], походил на попытку повзрослевшего Гёте развенчать ореол святого мученичества вокруг главного героя романа, лишить вертеровскую историю несчастной любви статуса неслыханного события. Гёте словно пытался *«как-то подправить то, что вызвало столь сильное возбуждение»* и сочувствие среди пылких поклонников вертеровских идеалов [5, с. 84].

Композиционно рассказ организован таким образом, что история крестьянского парня спорадически всплывает не только на страницах вертеровских писем, но и в заключительной главе романа, написанной от лица издателя. Смена повествователя давала Гёте возможность не просто провести параллель между двумя влюбленными, но и подробно прокомментировать, дать разностороннюю оценку необычному происшествию, случившемуся в небольшой деревушке под названием Вальхейм. Для Вертера *«пламенное страстное влечение парня»* к молодой вдове, его *«неотступное желание»* стать её избранником служит доказательством того [4, с. 17], что *«такая страсть, вовсе не поэтический вымысел, что она живет и существует в нетронутой чистоте»* [4, с. 66]. Страшное преступление, совершенное обезумевшим влюбленным, не поколебало Вертера в желании *«встать на защиту несчастного»*, *«оправдать его даже в убийстве»* [4, с. 80]. Альберт и старик амтман смотрят на случившееся совершенно иначе – безумная любовь парня, считают они, *«упраздняет все законы»*, *«подрывает устои государства»*, а потому ревнивец должен понести наказание [4, с. 80]. По меткому замечанию Р. Кампе, именно введение в роман вставного рассказа о крестьянском парне позволило рассказчику разоблачить патологическую природу истории самого Вертера [6, S. 45–48]. Ведь как бы близко ни принимал Вертер глубину страданий своего деревенского двойника, как бы ни возмущался чёрствостью Альберта и амтмана, *«по зрелом размышлении он разумом понимал, что оба его собеседника правы»* [4, с. 80]. *«Тебе нет спасения, несчастный! Я вижу, что нам нет спасения»*, – пишет он в одной из своих записок, вынося приговор и своему

товарищу по несчастью, и самому себе, и каждому, отдавшемуся во власть собственных чувств и желаний, замкнувшемуся в своем внутреннем мире и утратившему способность налаживать контакт с окружающим миром [4, с. 80].

Гёте, как и другие авторы рассказов позднего Просвещения, не довольствуется однозначной оценкой тех или иных поступков героев<sup>2</sup>, а включает своих персонажей в систему социальных отношений, что ведёт к усложнению образов, придаёт им динамизм. Взаимоотношения работника и хозяйки осложняются претензиями брата на богатое наследство бездетной вдовы. Не желая упустить материальной выгоды, брат выталкивает настойчивого поклонника из дома и лишает его возможности наладить отношения с объектом обожания, раззвонив повсюду о случившемся так, что *«хозяйка, если бы и захотела, не смогла бы взять его обратно»* [4, с. 66]. К отчаянию влюбленного Гёте присовокупляет *«затаённую злобу»* человека, лишённого доброго имени. И вот уже страстно влюбленный юноша превращается в слепого безумца, бродящего по окрестностям и обуреваемого жадной мести. Образ крестьянина из вставного рассказа, как и образ Вертера, психологически убедителен и правдив благодаря противоречивости и неоднозначности совершаемых поступков.

Участь несчастного работника трогает Вертера именно потому, что он оказывается перед таким же нелегким выбором между естественной чувствительностью и моралью. Но если безграмотный деревенский парень безоглядно идет навстречу своим желаниям, будучи далеким от сложных социально-этических установок и ограничений, то любовь Вертера к Лотте носит более одухотворенный характер. Вертер оказывается не в состоянии поддаться собственной чувственности, пойти на поводу своих желаний из-за моральных принципов, усвоенных через воспитание. Именно поэтому героя вставного рассказа, нарушившего систему установленных нравственных ценностей, судит людской суд, а Вертер выносит себе приговор сам.

Бездна, в которую может обрушиться человек, *«если не поставит себе предела в стремлении к безграничной субъективности»* [3, с. 239] становится предметом изображения и в новеллистической по своей природе истории самого Вертера, и в поучительном рассказе о крестьянском парне. Трагический рассказ о судьбе обезумевшего работника, отдавшегося во власть естественной чувственности, нарушившего законы нравственности, должна была послужить предостережением

---

<sup>2</sup>О стремлении ранних просветителей добиться максимальной ясности и однозначности в трактовке нравственной природы человека свидетельствует классификация основных аффектов, делающих человека несчастным, опубликованная К. Томазиусом в «Кратком очерке о политической мудрости» (Kurtzer Entwurf der politischen Klugheit, sich selbst und andern in allen Menschlichen Gesellschaften wohl zu rathen und zu einer gescheidten Conduite zu gelangen: allen Menschen, die sich klug zu seyn düncken, oder die noch klug werden wollen, zu höchst-nöthiger Bedürfniß u. ungemeynem Nutzen, 1710).

индивидуалисту Вертеру, культивирующему собственную страсть, утратившему чувство реальности и замкнувшему свой внутренний мир в самом себе. «Естественный человек» Ж. Ж. Руссо превращается у Гёте в убийцу, не способного совладать с собственными страстями, и обречен на гибель.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Кемпер, Д. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / Д. Кемпер. – Москва: Языки славянской культуры, 2009. – 384 с.
2. Руссо, Ж. Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=157480&p=1>. – Дата доступа: 05.05.2022.
3. Конради, К. О. Гёте: Жизнь и творчество: пер. с нем.: в 2 т. / К. О. Конради. – М.: Радуга, 1987. – Т 1: Половина жизни. – 592 с.
4. Гёте, И. В. Страдания юного Вертера: пер. с нем. / И. В. Гёте // Собр. соч.: в 10-ти т. – Т. 6: Романы и повести ; коммент. Н. Вильмонт. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 7–102.
5. Бент, М. И. «Вертер, мученик мятежный...»: Биография одной книги / М. И. Бент ; науч. ред. А. Г. Бент, М. М. Бент ; послесл. А. Б. Ботниковой. – СПб: Издательство Сергея Ходова, 2016. – 440 с.
6. Campe, R. Von Fall zu Fall. Goethes Werther, Büchners «Lenz» / R. Campe // Was der Fall ist. Casus und Laspus ; hrsg. I. Mülder-Bach, M. Ott. – München: Fink, 2014. – S. 33–55.